

ЙОН КОЛФЕР

АРТЕМИС ФРАУП

**ПОСЛЕДНИЙ
ХРАНИТЕЛЬ**

**ЭКСМО
Москва
2013**

Пролог

Эриу, наши дни

Берсерки лежали спиралью под камнем с рунами, зарывшись в землю — сапоги наружу, головы внутрь, как требовало заклинание. Разумеется, спустя десять тысяч лет не осталось физически ни сапог, ни голов. Это была лишь плазма черной магии, сохраняющая в неприкосновенности свой разум, но даже он постепенно рассеивался, отравляя почву, вызывая появление странных растений и заражая животных необычной для них агрессией. Возможно, спустя дюжину полнолуний берсерки уйдут окончательно, и последняя капля их силы утечет в землю.

«Но мы еще не до конца исчезли, — думал Оро из Дану, капитан берсерков. — Мы готовы поймать свой счастливый миг, когда он настанет, и навести на людей ужас».

Он направил свою мысль по спирали и был горд, ощутив, что оставшиеся эльфийские воины разделяют его чувства.

«Их воля так же крепка, как некогда были крепки их клинки, — подумал он. — Хотя мы мертвы и похоронены, но стоит лишь появиться перспективе кровавой схватки, и она как искра разожжет пожар в наших душах».

Существование берсерков поддерживала их ненависть к людям и черная магия колдуна Брюна Фадды. Более половины воинов уже окончательно умерли и были унесены в посмертие, но оставались пять сотен бойцов, готовых исполнить свой долг, как только их призовут.

«Помните о своем долге, — говорил им эльфийский колдун столетия назад, когда глина засыпала их тела. — Помните о тех, кто умер, и о людях, которые убили их».

Оро это помнил и будет помнить всегда. Так же, как никогда он не забудет прикосновение земли и камней, перекатывающихся по его умершей, высыхающей коже.

«Мы должны помнить, — посылал он сигнал своим воинам. — Мы будем помнить, и мы вернемся».

Его мысль полетела вниз, в землю, и отразилась эхом от мертвых воинов, жаждавших выбраться из своей могилы и вновь увидеть солнце.

ГЛАВА 1

СЛОЖНАЯ СИТУАЦИЯ

*Из заметок доктора Жербала Аргона,
Психиатрическое общество*

1. Артемис Фаул, некогда объявленный подростком с выдающимися криминальными способностями, теперь предпочитает скромно называться «юным гением». Очевидно, он изменился.

(Примечание для самого себя: «Хм-м?»)

2. В последние шесть месяцев Артемис проходил недельные сеансы терапии в моей клинике в Хэвен-сити с целью излечения от жестокого комплекса Атлантиды — психологического состояния, появившегося в результате погружения в эльфийскую магию. (Так ему и надо, Гадкому мальчишке.)

3. Не забыть представить подробный отчет в Подземную полицию.

4. В настоящее время Артемис выглядит полностью излечившимся. Так ли это? И возможно ли?

5. Обсудить с Артемисом мою теорию относительности. Она может стать очень интересной главой для моей книги «Побежденный Фаул: Перехитрить хитреца» (издатели любят такие названия и хорошо за них платят).

6. Заказать новые обезболивающие для моего поврежденного бедра.

7. Заполнить свидетельство о психическом здоровье Артемиса. Последний сеанс сегодня.

*Кабинет доктора Аргона, Хэвен-сити,
Нижние Уровни*

Артемис Фаул терял терпение. Доктор Аргон опаздывал. Этот последний сеанс был ему нужен не больше, чем предыдущие полдюжины. Артемис, слава небесам, полностью здоров, и был таким еще с восемнадцатой недели лечения. Его удивительный интеллект ускорил процесс, и он больше не собирался попусту тратить время на болтовню с каким-то жалким психиатром.

Вначале Артемис мерил шагами кабинет, не желая, чтобы его успокаивал водопад с пуль-

сирующими огоньками, затем посидел минутку в кислородной камере, которая, как он считал, приводит в состояние душевного равновесия намного лучше.

«Да уж, камера», — подумал он, быстро выскакивая из застекленной кабины.

Наконец дверь зашипела и откатилась на роликах в сторону, впуская доктора Жербаля Аргона в его собственный кабинет. Врач-коротышка сразу же вспрыгнул в свое кресло. Он погрузился в объятия его многочисленных подушечек, шлепая по кнопкам подлокотника, пока гелевая подушечка под его правым бедром не загорелась неярким светом.

— Ох, — вздохнул он. — Мое бедро меня убивает. Ничто не помогает, честное слово. Люди думают, что знают, что такое боль, но они о ней и понятия не имеют.

— Вы опоздали, — холодно заметил Артемис на беглом эльфийском.

Аргон вновь блаженно вздохнул, когда разогревшаяся подушечка начала массировать его бедро.

— Всегда спешишь, а, Гадкий мальчишка? Почему ты не дышишь кислородом или не медитируешь у водопада? Монахи Хей-Хей молятся у таких водопадов.

— Я не эльфийский монах, доктор. Мне мало интересно, что они делают после первого гонга. Мы закончили с моей реабилитацией? Или вы желаете и дальше тратить попусту мое время?

Аргон слегка нахмурился, затем подался вперед, раскрывая лежащую на столе папку.

— Почему чем здоровее ты становишься, тем грубее разговариваешь?

Артеми́с скрестил ноги и впервые позволил себе слегка расслабиться.

— Подавленный гнев, доктор. Откуда он берется?

— Давай не будем отклоняться в сторону, хорошо, Артеми́с? — Аргон вытащил из своей папки колоду карт. — Я покажу несколько чернильных пятен, а ты мне скажешь, что они тебе напоминают.

Артеми́с испустил долгий театральный вздох.

— Чернильные пятна. Нет, пожалуйста! Я проживу на свете намного меньше вашего, док, и у меня нет времени, чтобы тратить его на ваши шарлатанские тесты. С таким же успехом мы можем гадать о будущем на кофейной гуще или по внутренностям индюка.

— Чернильные пятна — надежный показатель умственного здоровья, — обиделся Аргон. — Проверенный и испытанный.

— Проверенный, — пробурчал Артемис. — Психами на психах.

Аргон выложил на стол карту.

— Что ты видишь в этом чернильном пятне?

— Я вижу чернильное пятно, — сказал Артемис.

— Да, но что-то это пятно тебе напоминает?

Артемис раздраженно усмехнулся.

— Карту номер пятьсот тридцать четыре.

— Извини?

— Карта пятьсот тридцать четыре, — повторил Артемис. — Из серии шестисот стандартных карт с чернильными пятнами. Я запомнил их за время наших сеансов. Вы даже не перемешали колоду.

Аргон проверил номер на тыльной стороне карты: так и есть, 534.

— Знание номера — не ответ. Что ты видишь?

Артемис скривил губу.

— Я вижу окровавленный топор. А также раненого ребенка и эльфа, завернутого в кожу тролля.

— В самом деле? — заинтересовался Аргон.

— Нет. Не совсем. Я вижу прочное здание, возможно, семейный дом, с четырьмя окнами. Верный пес провожает меня по мощеной дорожке к двери, которая видна вдали. Я думаю, что, сверившись со своим справочником, вы найдете, что этот ответ попадает в раздел «здоровые параметры психики».

Проверка Аргону не требовалась. Гадкий мальчишка был прав — как всегда. Может быть, он сможет огоршить Артемиса своей новой теорией? Это не входило в программу, но могло принести доктору немного славы.

— Ты слышал о теории относительности?

— Это шутка? — моргнул Артемис. — Я путешествовал сквозь время, доктор. Полагаю, мне кое-что о ней известно.

— Нет. Я не об этой теории. Моя теория относительности предполагает, что все вещи магически связаны между собой, и на них влияют древние заклинания или магические горячие точки.

Артемис потер подбородок.

— Интересно. Только я полагаю, что этот ваш постулат следует назвать скорее теорией соотносительности.

— Итак, — сказал Аргон, стараясь игнорировать насмешливый тон Артемиса, — я про-

вел ряд исследований и выяснил, что Фаулы на протяжении тысячелетий были источником неприятностей для волшебного народа. Десятки твоих предков искали под землей кувшины с золотом, хотя преуспел в этом только ты.

Артемис выпрямился в кресле: это было действительно интересно.

— И я никогда не знал об этом, поскольку вы стирали память у моих предков.

— Точно, — сказал Аргон, довольный тем, что ему удалось завладеть вниманием Артемиса. — Когда твой дед был молодым, твой собственный отец своими руками связал гнома, который забрел к нему в поместье. Думаю, он до сих пор вспоминает тот день.

— Пускай, — тут голову Артемиса внезапно посетила любопытная мысль. — А что, собственно, привлекло того гнома в нашем поместье?

— То, что там сохранилось невероятно большое количество остаточной магической энергии. Некогда в поместье Фаулов произошло нечто грандиозное — в магическом смысле.

— И эта сохранившаяся магическая сила загрозила мысли в наших головах и подтолкнула Фаулов к вере в магию, — чуть слышно пробормотал Артемис.

— Разумеется. Это ситуация гоблина и яйца. Что вернее: ты начинаешь думать о магии, а затем находишь ее? Или магия сама подталкивает тебя думать о ней?

Артеми́с занес несколько пометок в свой смартфон.

— А это колоссальное магическое событие, нельзя ли о нем поподробнее?

— Наши хроники не уходят так глубоко в прошлое, — пожал плечами Аргон. — Я полагаю, мы говорим о том времени, когда эльфы жили на поверхности Земли, а это было более десяти тысяч лет назад.

Артеми́с встал и склонился над сидящим эльфом. Он вдруг почувствовал себя должником перед доктором, открывшим теорию соотносительности, которую действительно стоит исследовать.

— Доктор Аргон, вы вывихнули ногу в детстве?

Аргон был настолько удивлен, что честно и сразу ответил на этот очень личный вопрос, что, в общем-то, нетипично для психиатра.

— Да, именно так.

— И вас заставили носить ортопедические башмаки со специальными толстыми вкладышами?

Аргон был заинтригован. Он уже сто лет не вспоминал о тех чудовищных башмаках и, по правде, совсем забыл о них — до этой минуты.

— Только один, на правой ноге.

Артемис понимающе кивнул, и Аргону показалось, что они поменялись ролями, и теперь он сам стал пациентом.

— Я предполагаю, что ваша нога была возвращена в правильное положение, однако в ходе лечения слегка была искривлена бедренная кость. Простая скобка решит проблему с вашим бедром, — Артемис вытащил из кармана сложенную салфетку. — Я набросал чертеж, пока вы заставляли меня ожидать нескольких последних сеансов. Фоули сумеет соорудить для вас такую скобку. Впрочем, я мог ошибиться на несколько миллиметров в размерах вашего тела, поэтому лучше перепроверить.

Он оперся всеми десятью пальцами о столешницу.

— Теперь я могу идти? Я выполнил свои обязательства?

Доктор хмуро кивнул, подумав, что ему, пожалуй, придется умолчать о сегодняшнем сеансе в своей книге. Артемис широкими шагами прошел по кабинету и скрылся за дверью.

Аргон изучил чертеж на салфетке и инстинктивно понял, что Артемис прав относительно его бедра.

«Либо этот парень самое нормальное создание на всей Земле, — подумал он, — либо настолько закрыт, что все наши тесты не смогли даже поцарапать его броню».

Аргон взял со стола резиновый штамп и большими красными буквами оттиснул на обложке папки с историей болезни Артемиса: «ЗДОРОВ».

«Надеюсь, что так, — подумал он. — Надеюсь, что так».

Телохранитель Артемиса, Батлер, ожидал своего хозяина в большом кресле у двери кабинета доктора Аргона. Это кресло подарил Батлеру кентавр Фоули, технический консультант Подземной полиции.

— Я не могу стоять и смотреть, как ты втискиваешься на этот эльфийский стульчик, — сказал тогда Фоули. — Это утомляет мои глаза. Ты похож на обезьяну, пытающуюся расколоть кокосовый орех.

— Спасибо, — сказал в ответ Батлер своим низким басом. — Я принимаю подарок, хотя бы ради безопасности твоих глаз.

